Ирина ОРУМАА

родилась в поселке Тулокса Олонецкого района

Республики Карелия.

Окончила филологический факультет

Петрозаводского государственного университета.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Ирина ОРУМАА
г. Петрозаводск

«Мое хмельное счастье...»

ПОТОК СОЗНАНИЯ

Рваная душа, рваная метель,
радости обноски.
Нынешний февраль мучает апрель,
Перепрыгнув март.
С крыши не капель, вот такой апрель –
Стужа, снег да вьюга.
Верь или не верь,
Но стучится в дверь вовсе не весна.

Вовсе не весна, вовсе не ко мне;
Мир внутри Ирака.
Дремлет белый кот, лыбится во сне
(говорят, к деньгам)...
Говорят, к теплу... Убивают, лгут –
Город мой – чикаго...
Дремлет белый кот.
На часах давно время новостей.

Старый Олонец, новые мозги,
Предки «лечат» внуков;
Улицы темны, не видать ни зги,
Празднуй, Олонец!
Празднуй, милый град!
Что же ты не рад общему веселью?
Рваная весна. Рваная любовь.
Рваная судьба...

МОЕ ХМЕЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ

Отвернись, уйди и будь спокоен:
Не тебе открыты эти двери
В доме том, что строен – не достроен,
В той весне, что песней не измерить.

Ты ушел, а мне досталось счастье
Бабское – скупое и навечно!
Выхвачено вон из волчьей пасти
И в мешок положено заплечный.

Волоку. Свое добро не тянет!
Слезы утираю по дороге.
А когда печаль моя устанет,
Вспомню о родительском пороге,

Развяжу платок, расправлю плечи!
Косы распущу! (Эх, были б косы...)
И потом босая к тихой речке
Побегу по видлицким покосам!

Теплый ливень, горе-братец Лето,
Запах сена, бабушкино платье,
Песни под гармошку до рассвета –
Вот оно, мое хмельное счастье!

ВОСПОМИНАНИЕ

Стучат колеса, мерцают звезды,
бегут вагоны.
Приносят кофе, читают Кинга
и Далай Ламу.
Мосты и пашни, луна и небо,
опять перроны.
А в старом доме в родном поселке
скучает мама.

Приснилось море (все чаще снится)
и снова – звезды.
Какой-то город, как будто утро,
но очень рано!
Сосед проснулся, включил приемник,
хромает поезд.
А в старом доме глядит в окошко,
скучает мама.

Бросает ветер в стекло пустое
тугие ветки;
Запахнет скоро знакомым тестом
и утром ранним.
Спешат к подруге на чашку чая
твои соседки.
Стучат колеса, бегут вагоны,
я еду к маме...

* * *

Я слушаю дыхание небес,
Свободное, огромное, седое,
Волнующее тысячи сердец,
Как и мое, лишенные покоя.

Все выше, выше, выше над землей!
И я спешу свободой надышаться:
Я быть хочу любовницей, женой.
Я исчезаю, чтобы возвращаться
В холодную широкую постель,
Где под подушкой прячутся тревоги
И слезы, не застывшие в метель,
И думы, не пропавшие в дороге.

Я исчезаю в замках из песка,
Ищу чужое счастье в белых льдинах
И чье-то горе в собственных висках
Хочу убить таблеткой анальгина.

Мое. Чужое. Чье-то иль мое?
Уйти совсем? Минуточку забыться...
Опять заныло. Нет, теперь поет:
Весна, цветы, вернувшиеся птицы.
Поет оно, лишенное покоя,
Как тысячи и тысячи сердец!
Свободное, огромное, седое,
Я слушаю дыхание небес.

* * *

Ночью шел дождь,
мокли цветы,
спали соседи.
В небе – ни звезд,
ни облаков.
Серый туман.
Чьи-то труды
в толстых томах.
Аз. Буки. Веди.
Это – не сон,
даже не явь.
Это – обман.

Как объяснить
грешной душе
божьи законы?
Где разыскать
вечный вопрос,
вечный ответ?
Топает дождь,
шлепает дождь,
моет балконы.
Мокрый асфальт.
Сонный таксист.
Скоро рассвет.

Да или нет?
Или опять –
просто не знаю.
Взгляд в никуда,
«стул не у дел»,
спит телефон.
Я не звоню,
я не реву,
я вспоминаю,
слыша едва
чьи-то шаги...
Это не он.

Это не он.
Снова не он.
Это лишь капли.
Капли дождя
на гаражи –
стук о металл.
Не прилетят
в город Петра
стройные цапли...
Ночью шел дождь.
Мокли цветы.
Кто-то не спал.